

О.В. Никитин

доктор филологических наук, профессор
Московского государственного областного университета

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ:
ОПЫТ МУЖСКОГО РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА: МОНОГРАФИЯ /**

**Н.А. ВОЛКОВА, С.А. ГАНИЧЕВА, А.В. ЗАГУМЕННОВ, Е.Н. ИЛЬИНА, Н.Г. МЕЛЬНИКОВА;
ОТВ. РЕД. Е.Н. ИЛЬИНА. ВОЛОГДА; ЧЕРЕПОВЕЦ: ЧГУ, 2017. 232 с.**

Изучение народной культуры – неотъемлемый компонент отечественной лингвистической традиции. Он показывает не только богатство этноязыковых красок того или иного региона, но и свидетельствует об исключительной роли личности как творца живого слова, его охранителя, передающего по цепи память, веру, обычаи и россыпи жемчужных голосов наших предков.

Вологодская школа хорошо известна своим вниманием к истории родного края: изучаются памятники письменности, выпускается диалектный словарь, идет планомерная работа по сбору местного языкового материала, проводятся семинары и конференции. Да и наш журнал не раз публиковал на своих страницах статьи вологодских исследователей – как юных, так и опытных. Преимущество в таких работах, внимание к каждому «колоску» народной речи, использование богатого архивного фонда Русского Севера, личные экспедиционные записи и эксперименты – главные свойства Вологодской научной лингвистической школы, которые успешно реализуются и в новых проектах.

Рецензируемая книга – из их числа. Она посвящена актуальной проблематике современной лингвистики – созданию речевого портрета эпохи, или, если так можно выразиться, характеристике *диалектной* языковой личности в ее гендерном выражении. Этот подход может дать интересные обобщения и новые результаты, так как использует инструментарии разных наук, позволяющие выявить, проанализировать и сгруппировать речевые портреты для выявления признаков региональной идентичности.

Справедливости ради, стоит сказать, что в этнокультурном отношении на этом поприще нашими великими филологами прошлого – А.Х. Востоковым, В.И. Далем, И.И. Срезневским, А.Н. Пыпиным, А.А. Шахматовым и другими – было сделано немало. А в конце XIX – начале XX вв. появляются ценные региональные словари говоров архангельских – А.О. Подвысоцкого (1885), смоленских – В.Н. Добровольского (1914), вологодских – П.А. Дилакторского (издан только в 2006 г.) и др. Таким образом, академическая коллекция лексикографических источников пополнилась уникальными фактами бытового и этнографического содержания, благодаря которым стало возможно изучать языковую личность, ее речевые проявления – идиолекты.

В числе участников авторского коллектива монографии как опытные, так и увлеченные молодые исследователи, решающие непростые научные задачи.

В первой главе (автор – А.В. Загуменнов) «Фрагменты речевых портретов мужчин Вологодчины XVII–XVIII веков: лингвистический, описательно-психологический и семиотический аспекты» даются характеристики языковых личностей прошлого: архиепископа Маркелла, купца Г.М. Фетиева, землепроходцев В.Д. Пояркова, Е.П. Хабарова, С.И. Дежнева, И.А. Кускова, которые «связаны не только территориально одним регионом. Некоторые из названных лиц пересекались друг с другом по долгу службы или были просто знакомы» (с. 7 рецензируемой монографии). Лаконичные очерки воссоздают реальную картину бытовой и религиозной культуры сквозь призму языковых фактов. Особый интерес здесь вызывают народно-разговорные элементы, которые иногда просачивались в деловую письменность и в детали авторского письма. Например, у архиепископа Маркелла А.В. Загуменнов фиксирует наличие разрыва в сложных словах-числительных при согласовании: «*а ваше-го Прилуцкаго монастыря съ пяти сотъ съ девяносто съ осми дворовъ*», употребление ритуально-сакральной лексики типа: «*а намъ гсднѣ колокалами болия нужда потому что на Вологдѣ купит негдѣ нѣтъ ни 8 когъ*», эпитетов вроде «*о благовѣрномъ и Христолюбивомъ Государѣ*» (с. 8–9) и другие черты. Автор этой главы кратко фиксирует все имеющиеся черты: от графических и фонетических до синтаксических и стилистических, что позволяет воссоздать речевой портрет личности, выделить в нем те или иные характерные особенности. Все это соотносится с концепцией В.В. Колесова, которая, по мнению исследователя, не работает при описании указанных языковых личностей: «...они были и “странниками”, но в строгом смысле слова не были *отстраненными* от своей *стороны*, если восстанавливать внутреннюю форму слова (А.А. Потебня). Все они возвращались в Россию. Следовательно, В.Д. Поярков, Е.П. Хабаров, С.И. Дежнев, И.А. Кусков как “телесные” реализации типа характера (“идеи”) выбиваются из предложенной В.В. Колесовым классификации, и специфика сложившейся ситуации заключается в том, что это люди одной земли, одного вектора движения. Этот вывод предполагает, что становление их как личностей происходило на сломе ментальных парадигм, который фиксируется в Вологодском крае XVII–XVIII веков» (с. 24).

Вторая глава посвящена региональной идентичности как основе речевого портрета Василия Ардадьевича Морозова (1906–1980). Ее автор, проф.

Е.Н. Ильина, проводила анализ в основном в диахроническом ключе, опираясь на богатые материалы, записки и воспоминания, позволившие определить специфику его «семейно-клановой» принадлежности – *дараватец* (с. 37). Е.Н. Ильина оценивает личность В.А. Морозова в широком лингвосемиотическом русле, ведь эпоха XX века, на которую выпали его жизненные испытания, во многом формировала менталитет носителя языка, его политическую, социальную, конфессиональную принадлежность, что отразилось в записках.

Колоритный, богатый язык «дораватского патриарха», в котором проявился его природный талант наблюдателя и даже почти профессионального бытописателя, является интересным источником в области формирования лингвокультуры личности, может дать редкие сведения по психологии речевого общения, всестороннюю характеристику В.А. Морозову как типичному, но в чем-то, бесспорно, выдающемуся представителю «крестьянского лада» Вологодского края. Е.Н. Ильина обоснованно пишет: «Существуя в среде бытования родного говора и в целом севернорусской речи, автор последовательно отмечает “не свое”, либо подчеркивая его официальную статусность (например, именование *дараватским* родного *дораватского* сельсовета), либо инородную враждебность (например, в речи недруга Китаезы: *Канат корма мала-мала, хозяин скупа отпустила мала*)» (с. 46). Можно согласиться и с другим выводом ученого о том, что речевой портрет В.А. Морозова говорит о *доминантно* типе его личности (там же).

Исследовательская часть дополняется уникальными приложениями – авторскими текстами В.А. Морозова: «Памяткой о прожитом» (1970), «Навигационными происшествиями 1918–1919 г.» (1975), а также публикацией «Девичьих песен молодежи дараватского сельсовета Кожуховской Волости».

Третья глава «Диалектные черты в речи жителей Белозерья как компонент их коллективного речевого портрета» (авторы – Н.А. Волкова, Н.Г. Мельникова) анализирует памятники устной культуры рубежа XX–XXI вв. по записям диалектоносителей. Фонетическая транскрипция их речи, зафиксированная в тексте монографии, позволяет точно и объективно говорить об особенностях *современной* языковой личности, ее эволюции, типичных чертах. Причем среди информантов были не только люди с начальным образованием и пожилого возраста, а достаточно молодые, имевшие практику учебы в институте в крупных городах. Прежде всего колоритны фонетические особенности в области вокализма и консонантизма участников опроса. Приведем один фрагмент, показывающий звуковое богатство вологодской речи, ее мощное народно-бытовое русло, охраняющее традиционный языковой уклад местных жителей:

1) полное оканье: *вод докүдо оно называлоc, о́коло, хорошо́;*

2) замена /л/ на /й/: *фс'о запоўн'ено было, коўхозу, доўго жыў, открьўс'а, коўбосы поўно, быў / вот отработаў, пр'їjechaў, ф'искул'туру в'оў, стаў, оконч'иў;*

3) спорадическое употребление /-европейско-го: *было, школа-то;*

4) следы прежнего цоканья отражены в употреблении слова *тыс'ац* (единично встретилось);

5) долгий мягкий и твердый шипящий: *с вышшым* (полная ассимиляция), *и'и'а* (сейчас), *вои'и'е, Вал'ен'т'ин Ива'ныи'и'* (замена аффрикаты долгим мягким шипящим), *паз'б'иш'и'а, вои'и'е* (вообщем);

6) замена /в/ на /й/ в середине слова, /в/ на /w/ в конце слова: *стаўка* (ставка), *часоw, ал'есандра исáкоўна, Малоз'омоў* (Малозёмов) *Иван Прокóп'ич', процентоў, ўот;*

7) полумягкое произношение согласных как результат контактной ассимиляции по мягкости: *прак'т'ич'еск'и, к'р'естоф, ин'т'ер'есует, з'д'ес', паз'б'иш'и'а;*

8) усечение гласного и согласного на конце слова: *токарны* (токарные, о станках), *шес'* (шесть); *ес' / он'ин'еес', л'убу' (любую), вокруг б'ело оз'еро, до б'ела оз'ера;*

9) наличие постпозитивных частиц: *образова'ниа-то, воўгобаўт-то, вы откуда-то, так-то* (с. 156–157).

Автор этой главы отмечает такую интересную особенность: «Кузнецов Валентин Иванович и Смирнов Николай Андреевич – два педагога, которые вместе много лет проработали в сельской школе. Принято считать, что у людей с высшим образованием диалектизм в устной речи ниже, чем у малограмотных, однако в беседе с ними прослеживаются яркие фонетические особенности, характерные для живой речи Белозерского края» (с. 156).

Четвертая глава «Синтез локального и профессионального в речевом портрете Николая Павловича Шаброва», подготовленная С.А. Ганичевой, анализирует речевой портрет одной личности, которая с лингвистической точки зрения интересна прежде всего тем, что являет собой образец коренного вологжанина, который в силу профессиональных интересов много лет находился за пределами своей малой родины, но тем не менее сохранил колорит ее языка, вкоренившегося с детства в сознание и сохранившегося до настоящего времени.

В первую очередь автор анализирует лингвокогнитивный уровень. Представленные тексты, по мнению С.А. Ганичевой, «эксплицируют три основных концепта, входящих в число общекультурных: ‘родина’, ‘труд’, ‘семья’. В этих концептах ярко проявляются профессиональная и диалектная составляющие языковой личности Н.П. Шаброва» (с. 162).

Следующий уровень, прагматический, – это не только документация фактов языка, имевших отношение к производственной деятельности Н.П. Шаброва, но и наличие прецедентных текстов (частушек, например), а также фиксация в живой речи ярких местных «рефлексов»: «У нас скажут: “Нагнать берёзового сока!” И даже не “нагнать”, а “нагонить”. В текстах Николай Павлович нередко поясняет то, что, по его мнению, может оказаться непонятным для читателя: *Речка с омутами, которые местные жители называли курганами*» (с. 168).

Вербально-семантический уровень демонстрирует речь Н.П. Шаброва как носителя литературного языка в целом, но в отдельных случаях проявляются и архаиче-

ские элементы вроде *ести, класти* (с. 169). Многие диалектные лексемы, как отметила С.А. Ганичева, находятся в «пассивном словарном запасе» Н.П. Шаброва (там же), и их количество достаточно широко – 290.

Интересные наблюдения касаются черт мужского речевого поведения, например: использование большого числа конструкций с прямой речью, стилистически нейтральной лексики, императивов (с. 170–171).

Приложенные далее тексты – оригинальные произведения Н.П. Шаброва – показывают разностороннюю языковую личность, живущую в гармонии с духом природы, тонко чувствующую переливы красок малой родины, экспрессивную, цепкую на детали и события. Здесь немало юмора и живых зарисовок («Как назвать деревню?», «Курсантские байки», «В лес! За рыжиками!» и др.).

Авторами рецензируемой монографии была проведена очень полезная работа по идентификации вологодского речевого портрета. Этот труд может быть началом целой серии публикаций, охватывающих разные районы и территории заселения, которые имеют свои специфические особенности в силу профессиональной ориентации носителей говоров, мест их работы и службы, рельефа территории, культурных традиций и т. д.

Самое важное в этом исследовании – представление уникальных авторских текстов ярких языковых личностей, позволяющих утверждать, что и в наше время глобализации и драматического смешения национальных культур вологодский «ген» остается крепким, не поддается разрушению и хранит живые очаги языковой культуры и памяти предков.